

характеристиками и ценностными ориентациями сотрудников службы безопасности отелей Крыма.

АННОТАЦИЯ

В статье представлены результаты эмпирического исследования взаимосвязи личностных характеристик с ценностными ориентациями сотрудников службы безопасности. В результате исследования была выявлена корреляционная связь между личностными характеристиками и ценностными ориентациями сотрудников службы безопасности, а именно: эмоциональной устойчивостью и активной деятельной жизнью, смелостью и уверенностью в себе, высокой нормативностью поведения и исполнительностью, общительностью и жизнерадостностью, принятие ответственности и жизненной мудростью.

Ключевые слова: личностные характеристики, ценностные ориентации, сотрудники службы безопасности, отели Крыма.

SUMMARY

The article presents the results of an empirical study of the relationship between personal characteristics and value orientations of security officers. As a result of the study, a correlation was identified between the personal characteristics and value orientations of security service employees, namely emotional stability and active life, courage and self-confidence, high normative behavior and diligence, sociability and cheerfulness, acceptance of responsibility and life wisdom.

Key words: personal characteristics, value orientations, security officers, hotels in Crimea.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агапов В. С. Системное изучение Я-концепции субъекта в российской психологии // Акмеология. – 2013. – № 1. – С. 27–30.
2. Бубнова С. С. Ценностные ориентации личности как многомерная нелинейная система // Психологический журнал. – 2019. – № 5. – Т. 20. – С. 38–44.
3. Елисеев О. П. Практикум по психологии личности: учебник для вузов. – М.: Юрайт, 2023. – 390 с.

4. Канаева Н. А. Ценности и их влияние на формирование личности // Молодой ученый. – 2010. – № 1-2 (13). – Т. 2. – С. 200–202.

5. Осеев А. А. Личностные качества персонала, занятого в сфере безопасности: социологический портрет // Вестник московского университета. – 2011. – № 3 – С. 159–171.

6. Психодиагностика: учебник и практикум для вузов / А. Н. Кошелева [и др.]. – М.: Юрайт, 2023. – 362 с.

С. К. Малахаева, А. А. Семенюк

УДК 159.942.5:343.81-055.2

ВЫУЧЕННАЯ БЕСПОМОЩНОСТЬ И ВРЕМЕННАЯ ПЕРСПЕКТИВА У ЖЕНЩИН, НАХОДЯЩИХСЯ В ТЮРЕМНОМ ЗАКЛЮЧЕНИИ

Введение. Психические процессы и состояния являются меняющимися во времени образованиями: индивид представляет, осмысливает и организует себя во времени и выстраивает собственную временную перспективу как обобщенный образ жизни. В использовании времени определяющим являются принципы активности и субъектности: временная перспектива включает в себя идеалы и напрямую влияет на организацию всей жизненной активности личности. Личность является тем субъектом, который осознает и распоряжается временем. Способность человека направлять время своей жизни (осмысливать, принимать прошлое, организовывать свое настоящее, планировать будущее) обуславливает развитие представлений о прошлом, нас-

тоящем и будущем и является важнейшей частью картины личностного отношения к себе, к другим и к миру в целом.

Категория психологического времени рассматривается зарубежными и отечественными авторами через ряд понятий, таких как «временная протяженность» психологического настоящего в жизненном пространстве [10, с. 13]; временной горизонт [23, с. 335]. В работах Ж. Ньютена временная перспектива рассматривается через такие понятия, как «временная ориентация» и «временная установка» [13, с. 354–373]. Известна теория временной перспективы Ф. Зимбардо, согласно которой временная перспектива является неосознаваемыми позитивными или негативными установками относительно прошлого, настоящего и будущего, что в конце концов определяет целостный временной континуум, влияющий на образ мира и себя [6, с. 58].

В 2016 году М. Селигманом и С. Майером выпущены новые данные по выученной беспомощности, которые скорректировали представление о данном феномене [25]. В их первоначальных экспериментах речь шла о том, что живое существо (собаки, крысы и люди) при отсутствии контроля над ситуацией предпочитают пассивно ожидать окончания внешнего воздействия. Таким образом, эту пассивность, вызванную отсутствием контроля, назвали выученной беспомощностью, предполагая, что более адаптивной первичной реакцией является активное совладание с внешним воздействием, стремление разрешить ситуацию. Если же это не получается раз за разом, то организм, переживая негативный опыт, «научается» замирать и переживать болезненные или неразрешаемые ситуации. Смысл выученной беспомощности в первичной интерпретации в научении бездействию и отказе предпринимать какие-либо попытки для того, чтобы выбраться из неприятных обстоятельств [26]. В более поздних исследованиях акценты были расставлены по-другому: оказалось, что первичной реакцией оказалось именно пассивное ожидание. Это было доказано с помощью анализа активности нейронов в дорсаль-

ном ядре шва, которые включались в любой неблагоприятной ситуации. Это было предпосылкой пассивного поведения в стрессе. Однако было также выявлено, что нейроны вентромедиальной префронтальной коры могли их подавлять и приводить организм к активизации в поисках способов преодоления проблемы. Таким образом, оказалось, что беспомощность – первичная реакция, а активное совладание – это выработанная, выученная реакция [25].

Таким образом, любые неприятные события включают нейроны дорсального ядра шва. Те, в свою очередь, запускают пассивность. Но если в вентромедиальной префронтальной коре есть нейроны, знающие, что контроль в принципе возможен, они останавливают нейроны дорсального ядра шва. И организм остается активным. Традиционно используемое понятие выученная беспомощность, таким образом, оказывается не совсем точным, если не сказать противоположным. Однако следуя традиции и памятуя о феноменологии этого понятия мы используем его в своем исследовании, оговорив, что под ним мы понимаем именно пассивность в неконтролируемых ситуациях, вызванных отсутствием предыдущего позитивного опыта их преодоления.

Также необходимо сказать, что после пересмотра теории выученной беспомощности М. Селигман совместно с Л. Абрамсон и Дж. Тисдейлом разрабатывает понятие атрибутивный стиль, который точнее отражает способы объяснения причин различных событий. Разработаны методики исследования атрибутивного стиля, которые в сегодняшней ситуации могут быть применены для исследования выученной беспомощности в комплексе с другими методами, показывающими уровень самооценки и депрессии [19].

Изначально атрибутивный стиль был охарактеризован авторами переформулированной теории выученной беспомощности, используя параметры локуса, стабильности и глобальности, с опорой на модель каузальных атрибуций. Параметр локуса был призван

описать направленность причинного объяснения: на себя, когда индивид воспринимает произошедшее событие как вызванное внутренними причинами («моя вина»), или на внешний мир и других людей («ты/он/она/они в этом виноваты»). Стабильность или постоянство – временная характеристика, позволяющая оценивать причину как имеющую постоянный или временный характер. Под глобальностью или широтой понимается характеристика, позволяющая описать универсальность или конкретность причинных объяснений, склонность к чрезмерным обобщениям или, напротив, конкретному рассмотрению отдельно взятых ситуаций.

Характер атрибуции, таким образом, демонстрирует восприятие себя как субъекта, влияющего на события и в целом контролирующего их, либо как объекта, который испытывает «удары судьбы» и в целом не контролирует то, что вокруг него происходит. Неконтролируемый стресс, который связан с нахождением в тюремном заключении может помочь нам увидеть, как личность воспринимает время и перспективы, связанные с прошлым, настоящим и будущим. Кроме характера атрибуции феноменология выученной беспомощности дополняется снижением самооценки и депрессивным состоянием [19, с. 40; 54].

Исследования выученной беспомощности на различных выборках подтверждают связь между стилями атрибуции, беспомощностью и депрессией [4, с. 78]. Степень контроля над ситуацией и представления о том, каковы причины происходящих в жизни человека событий и насколько человек сам влияет на них, отражается в целом на осознании собственной субъектности и способности разрешать личностью стоящие перед ней жизненные задачи. Атрибутивный стиль, в свою очередь, тесно связан с уровнем самооценки, которая помогает в моменте времени оценить адекватность собственных представлений и реальную ситуацию. Искажения этой оценки обуславливают неадекватность поведения и как следствие – отсутствие успеха в любой

деятельности, где это искажение существует. Отсутствие успеха и позитивного подкрепления создает депрессивный фон, пассивность в принятии решений и поведении, характерные для феноменологии выученной беспомощности [9].

Для диагностики используются показатели, характеризующие проявления беспомощности с разных сторон: пессимистический атрибутивный стиль, пассивность в поведении, низкая самооценка, наличие депрессии, тревожности [20; 19].

Нахождение в тюремном заключении является серьезным стрессором для человека и его адаптивных возможностей. Здесь личность скорее не субъектна, а объектна, по отношению к ней применяются различные карательные, воспитательные, исправительные практики. «Тюремное заключение с начала XIX века означает одновременно и лишение свободы и техническое преобразование индивидов» [18, с. 340–341], а сама личность находится в состоянии вынужденной пассивности. Ограничение свободы, отсутствие личного пространства, постоянный надзор, регламентация не только со стороны администрации, но и давление со стороны других заключенных создают условия для возникновения психологического состояния выученной беспомощности [8]. Анализ виктимологической безопасности осужденных показывает, что в тюремном заключении расширяются зоны неконтролируемости событий [16, с. 279], что, по мнению М. Селигмана, в первую очередь, является фактором развития выученной беспомощности [26]. Также инкарцерация серьезнейшим образом влияет на восприятие времени у личностей, которые находятся в длительном заключении [15, с. 53]. Размышления о времени в заключении становится одним из наиболее глубоких вопросов обращения человека к смыслу собственной жизни в целом, к вопросам искупления, наказания. Либо может стать причиной формирования бессознательных психологических защит регрессии и проекции, которые также характерны для феноменологии выученной беспомощности.

Пребывание женщин в тюремном заключении имеет ряд особенностей, которые также могут сказаться на переживании неконтролируемого стресса и выученной беспомощности. Очевидно, что большую роль играют преморбидные черты личности, криминологические характеристики осужденных женщин, но сам факт инкарцерации также является важнейшим обстоятельством, обуславливающим их субъектность [3, с. 42]. Ряд исследований подтверждает тот факт, что психологическое состояние женщин в тюрьме существенно отягощается депрессией, чувством отчуждения, недоверия и отсутствием перспектив [11 с. 51; 14, с. 536]. Факт изоляции от общества обуславливает проявление у осужденных женщин следующих негативных тенденций: отсутствие веры в будущее, настороженное восприятие окружающих, сосредоточенность или наоборот, рассеянность; отсутствие защищенности и угнетенное состояние от окружения и обстановки в исправительном учреждении, а в связи с этим подавленность; усталость, бессилие, апатия или наоборот, возбужденность, которые в период отбывания наказания провоцируют на нарушение условий и порядка отбывания наказания; нерешительность, неуверенность в завтрашнем дне. Факт оторванности от семьи и позитивных социальных связей также является причиной появления депрессивных тенденций и негативного отношения к себе и миру, безнадежности в оценке своих перспектив на свободе [11, с. 51–52].

Значительную роль играет характер преступлений, за которые несут наказание эти женщины. Мы разделили выборку на 2 группы, согласно статьям 105 и 228: это определяет сроки тюремного заключения и, соответственно, может влиять на восприятие времени.

Отсутствие позитивного опыта преодоления различных проблем, которые безусловно возникают в тюремном заключении, является фактором, усиливающим пассивность и беспомощность, подкрепляемых определенными особенностями восприятия времени в тюремном заключении. Таким образом, наше исследование посвящено анализу взаимосвязи временных перспектив и выученной беспомощности на материале женской колонии.

Организация и методы исследования

В данном исследовании нас интересует вопрос: каковы особенности отношения личности ко времени в специфических тюремных условиях и как это связано с проявлениями выученной беспомощности, которая с большой вероятностью будет сопровождать инкарцерацию.

Цель настоящего исследования: выявить взаимосвязь выученной беспомощности с временной перспективой личности у женщин, находящихся в тюремном заключении.

Гипотеза. В условиях тюремного заключения взаимосвязь выученной беспомощности и временной перспективы личности будет проявляться следующим образом:

а) у находящихся в тюремном заключении женщин с признаками выученной беспомощности будет наблюдаться негативное отношение к прошлому, фаталистическое настоящее, неясное будущее;

б) у находящихся в тюремном заключении женщин без признаков выученной беспомощности будет наблюдаться позитивное отношение к прошлому, принятие настоящего и ориентация на будущее.

Методологической основой исследования являются теория беспомощности (М. Селигман), теория атрибуций (Л. Абрамсон, М. Селигман, Дж. Тисдейл), когнитивная теория депрессии (А. Бек), теория личностной беспомощности (Н. А. Батулин, Д. А. Циринг), теория временной перспективы (Ф. Зимбардо).

Экспериментальная база исследования: ФКУ ОИК-1 п. Бозой. Общее количество испытуемых 50 человек: женщины, находящиеся в местах лишения свободы в возрасте от 18 до 50 лет.

Испытуемые были разделены на две группы по виду совершенного ими преступления по 25 человек в группе.

В первую группу вошли женщины, осужденные к лишению свободы за умышленные насильственные преступления против личности (убийства и причинение тяжкого вреда здоровью). Во вторую группу вошли женщины, осужденные к лишению свободы за престу-

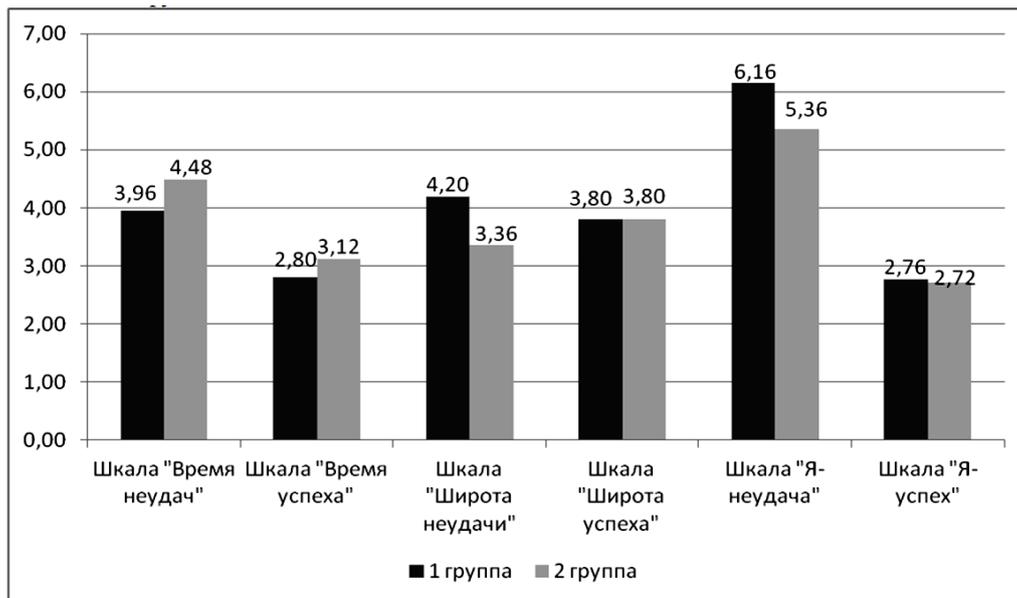

Рис. 1. Средние показатели атрибутивного стиля у испытуемых 1 и 2 группы

пления против здоровья населения (незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ). В группе осужденных за насильственные преступления против личности возрастной состав младше, чем в группе осужденных за преступления против здоровья.

Нами использовались следующие диагностические методики:

1. «Опросник атрибутивного стиля» (Attributional style questionnaire – ASQ) М. Э. Селигмана (M. Seligman).

2. Шкала депрессии А. Бека (Beck Depression Inventory).

3. Тест-опросник для определения уровня самооценки С. В. Ковалева.

4. Опросник Ф. Зимбардо ZTPI (Zimbardo Time Perspective Inventory), адаптированный А. Сырцовой.

Для статистического анализа был использован метод ранговой корреляции Спирмена, статистический пакет SPSS.

Результаты исследования и их обсуждение

Средние показатели методики исследования атрибутивного стиля М. Селигмана де-

монстрируют, что у женщин, находящиеся в местах лишения свободы, преобладает пессимистический атрибутивный стиль. Наиболее сильно он выражен у женщин первой группы, которые осуждены за тяжкие насильственные преступления против личности (убийства и причинение тяжкого вреда здоровью).

Более оптимистичные показатели выявлены у женщин, осужденных за преступления против здоровья населения (незаконный оборот наркотических средств). Но в целом обе группы испытуемых имеют преимущественно пессимистический атрибутивный стиль – 96 % у первой группы и 76 % у второй группы. На рисунке 1 представлены средние значения групповых показателей.

Таким образом, подавляющая часть осужденных женщин, содержащихся в колонии, имеют умеренный и сильно выраженный пессимистический атрибутивный стиль.

Данные обеих групп имеют значения ниже среднего по шкалам «широта успеха», «Я-успех» и «время удачи» и высокие значения по шкалам «широта неудачи», «Я-неудача» и «время неудач».

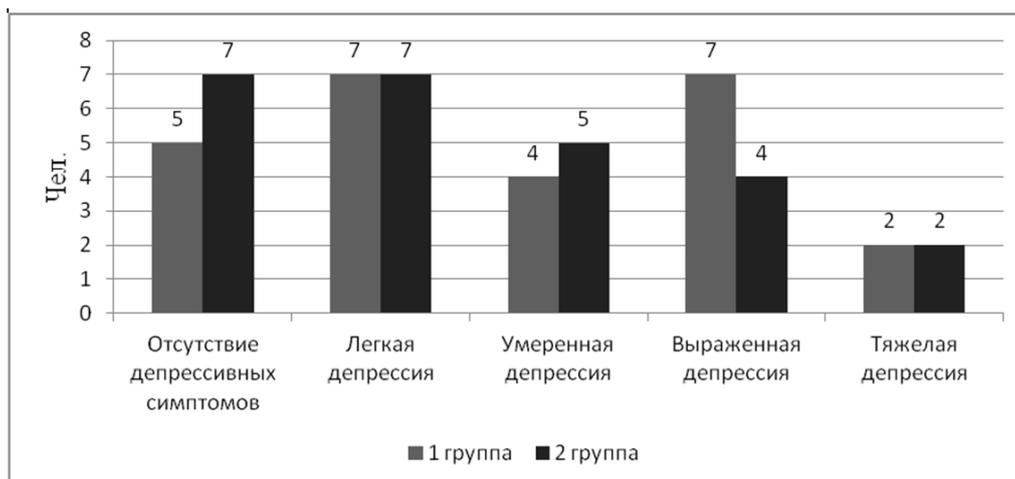

Рис. 2. Уровень депрессии обеих групп

Сравнительный анализ шкал «время неудач» и «время успеха», составляющих фактор стабильности в методике, позволяет сделать вывод, что женщины обеих групп удачные события считают случайными, а неудачные – постоянными (стабильными). Также средние значения по шкалам «широта удачи» и «широта неудачи», составляющие фактор глобальности оценки событий, демонстрируют, что, несмотря на неуспех в большинстве сфер жизни, все же есть те сферы, которые осознаются ими как успешные. В личных беседах проскальзывают позитивные комментарии о детях, о своем детстве и романтических отношениях.

Средние значения по шкалам «Я-неудача» и «Я-успех», составляющих фактор персонализации (локус контроля), демонстрируют, что в случае неуспеха женщины обеих групп склонны объяснять это внутренними причинами, своей «плохостью» и «неудачливостью». Вследствие этого в сочетании с глобальностью и стабильностью неудачи у испытуемых обеих групп наблюдается заниженная самооценка, чувство вины, подавленность и апатичность, характерные для выученной беспомощности.

При этом чем выше уровень пессимизма, тем больше склонны испытуемые во всех неудачах винить себя. Так, по шкале «Я – не-

удача» выше уровень пессимизма у женщин первой группы, отбывающих наказание за убийства и причинение тяжкого вреда здоровью. У женщин второй группы, отбывающих наказание за незаконный оборот наркотических средств, уровень пессимизма ниже.

Результаты диагностики по методике У. Бека Шкала депрессии (Beck Depression Inventory). Уровни выявленной депрессии испытуемых обеих групп представлены на рисунке 2.

Как видно из рисунка 2, тяжелая депрессия наблюдается у 2 испытуемых (8%), у 4 испытуемых (16%) выявлена умеренная депрессия, по 7 человек (28%) показали легкую и выраженную формы депрессии. И только у 5 испытуемых первой группы (20%) депрессивные симптомы отсутствуют.

Таким образом, у 80% испытуемых первой группы наблюдаются признаки депрессии – от легкой до тяжелой формы. Выраженная и тяжелая формы депрессии присутствуют у 36% испытуемых.

По сравнению с испытуемыми первой группы – у 28% испытуемых второй группы отсутствуют депрессивные симптомы. Таким образом, женщины, осужденные к лишению свободы за незаконный оборот наркотических средств, меньше подвержены депрессивным состояниям по сравнению с женщинами, со-

вершившими убийство и причинившими тяжкий вред здоровью. Легкая форма депрессии наблюдается у 7 женщин второй группы (28 %), умеренная депрессия – у 5 испытуемых (20 %), выраженная депрессия – у 4 испытуемых (16 %) и тяжелая форма депрессии – у 2 испытуемых (8 %). Выявленная и тяжелая формы депрессии по второй группе выявлены у 24 % испытуемых, а у испытуемых первой группы выраженная и тяжелая формы депрессии составили в сумме 36 % от общего количества группы.

У испытуемых разный срок отбывания наказания, зависящий от тяжести уголовного преступления, которое стало причиной тюремного заключения. Так, за убийство в зависимости от квалифицирующих признаков состава назначается наказание от 6 до 20 лет лишения свободы, за причинение тяжкого вреда здоровью – до 15 лет. В то время, как за незаконный оборот наркотических средств – от 3 до 15 лет в зависимости от размера оборота. В целом первая группа переживает более тяжелые депрессивные симптомы, это может быть объяснено как осознанием тяжести преступления, чувством вины и подавленностью длиной срока.

По результатам опросника уровня самооценки В. С. Ковалева оказалось, что и в первой и во второй группе испытуемых наблюдается одинаковый низкий и средний уровни самооценки. По результатам диагностики самооценки оказалось, что 84 % всех испытуемых имеют низкий уровень самооценки. Низкий уровень самооценки свидетельствует о том, что испытуемые крайне болезненно воспринимают критические замечания в свой адрес, имеют комплекс неполноценности, чаще подстраиваются под мнение окружающих. У испытуемых со средним уровнем самооценки (16 %) наблюдается проблема взаимоотношений с другими людьми, недооценка себя и своих способностей без достаточных на то оснований. Среднегрупповые показатели имеют следующие различия (рис. 3).

Средние показатели составляют 46 баллов и выше, что является признаком низкого

уровня самооценки. При этом у женщин второй группы самооценка выше, чем у женщин, осужденных за тяжкие насильственные преступления против личности.

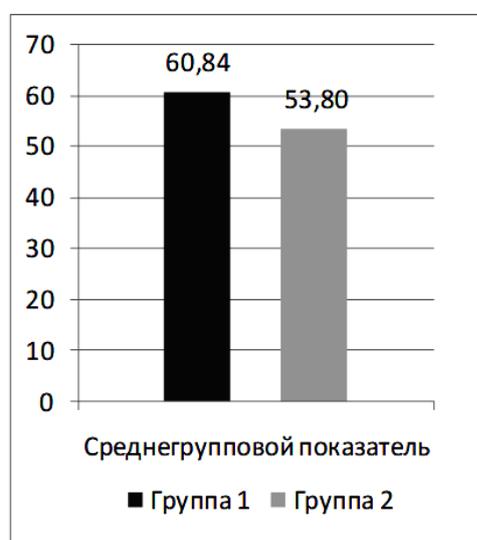

Рис. 3. Средние показатели уровня самооценки у испытуемых первой и второй группы

Для выявления взаимосвязи между выявленной беспомощностью и временными перспективами осужденных женщин, находящих в колонии, применялась методика диагностики временной перспективы Ф. Зимбардо.

Как видно из рисунка 4, временная перспектива «позитивное прошлое» является доминирующей в обеих группах. В психометрических исследованиях методики временных перспектив, проведенных О. В. Митиной и А. Сырцовой [12], установлено, что «позитивное прошлое» вопреки начальным предположениям не связано отрицательно с уровнем депрессии и низкой самооценкой. Прошлое воспринимается обеими группами с ностальгией с приукрашенными позитивными нотками, что в целом понятно, учитывая тяжелые настоящие условия. Шкала «негативное прошлое» занимает третье место среди осужденных обеих групп и если учесть, что второе место занимает ориентация на будущее, то можно

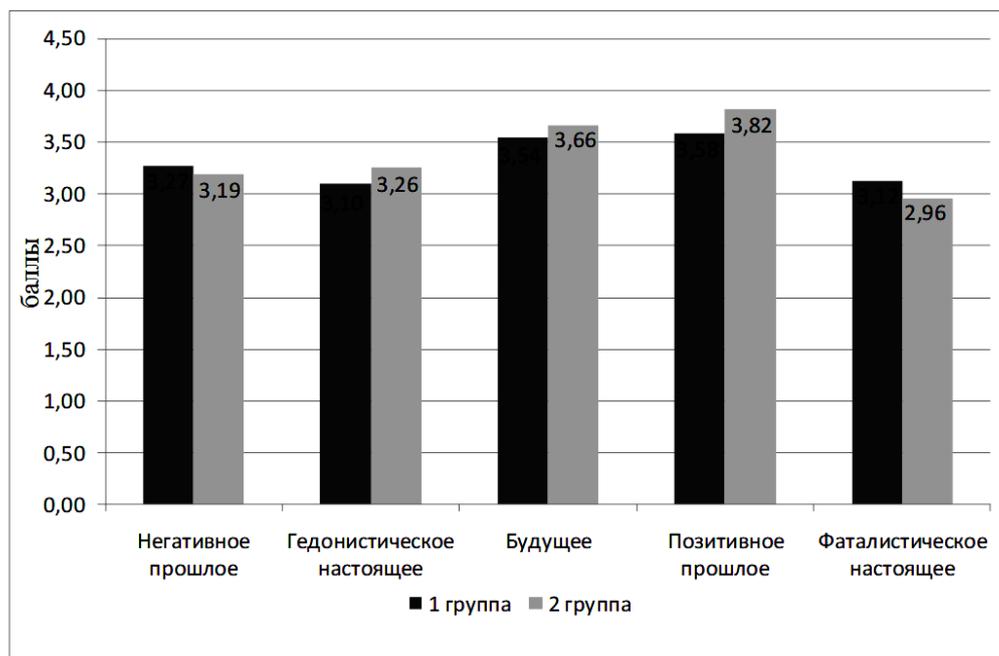

Рис. 4. Средние показатели временных перспектив у испытуемых первой и второй группы

предположить определенные защитные механизмы, стремление забыть то плохое, что было, и вспоминать прошлое в «розовом цвете», либо мечтать об обнадеживающем будущем. Как уже сказали, временная перспектива «будущее» занимает второе место в обеих группах. Эта шкала характеризует ориентацию на будущие планы, готовность к их реализации и ожидание позитивного исхода.

Различия проявляются в ориентации на настоящее. Необходимо сказать, что ориентация на настоящее в целом меньше проявлена в нашей выборке. Женщины, осужденные за насильственные преступления против личности, в большей степени ориентируются на «фаталистическое настоящее», характеризующееся верой в судьбу, невозможность влиять на события своей жизни. В этой же группе в меньшей степени проявлена перспектива «гедонистическое настоящее», что в целом понятно, так как эта шкала характеризует наслаждение жизнью «здесь и сейчас» без сожаления о последствиях. Те же, кто осужден за незаконный оборот наркотиков, меньше всего ориен-

тируются на «фаталистическое настоящее», их настоящее более гедонистично по сравнению с первой группой.

Таким образом, можно сделать вывод, что осужденные, содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда за тяжкие преступления, к которым относятся убийства, причинение тяжкого вреда здоровью и незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ, живут прошлым позитивным опытом, настоящее для них имеет негативную окраску, но они нацелены на будущее. Данный вывод подтверждает психологическая характеристика личности осужденных, находящихся в местах лишения свободы. То, что было раньше, до нахождения в социальной изоляции в условиях колонии, воспринимается как положительный опыт. Настоящее нахождение в местах лишения свободы осужденными воспринимается отрицательно. Будущее видится как освобождение из мест лишения свободы, поэтому у обеих групп ориентация на временную перспективу «будущее» занимает второе место после ориен-

Таблица 1.

**Корреляции атрибутивных стилей, показателей депрессии
и самооценки и временной перспективы по обеим группам**

		Временные перспективы по Ф. Зимбардо			
		Негативное прошлое	Будущее	Позитивное прошлое	Фаталистическое настоящее
Атрибутивные стили по М. Селигману	Время успеха			,354*	
	Широта неудач		-,326*	-,439**	
	Широта успеха			,304*	
Депрессия по Беку		,365**			,296*
Самооценка		,362**		-,394**	,279*

* Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя)

**Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя)

тации на «позитивное прошлое». При этом группа женщин, находящаяся в колонии за незаконный оборот наркотических средств, гораздо позитивнее оценивают жизнь, у них, по сравнению с женщинами, осужденными за убийства, выше показатели по временным перспективам «гедонистическое настоящее», «позитивное прошлое», «будущее» и ниже показатели по шкалам «негативное прошлое» и «фаталистическое будущее».

В таблице 1 представлены данные корреляционного анализа взаимосвязи показателей выученной беспомощности и показателей временной перспективы в исследуемой выборке осужденных женщин, находящихся за совершение тяжких преступлений в местах лишения свободы.

Статистический анализ данных по корреляции Спирмена показывает следующие результаты.

Наблюдается статистически значимая прямая корреляционная связь между показателями самооценки и негативным прошлым 0,362, при $p=0,01$. Низкая самооценка испытуемых напрямую связана с осознанием собственного негативного прошлого. Очевидно, нарушение закона, в целом асоциальный образ жизни в прошлом влияют на восприятие себя в настоящем. Между шкалой депрессии Бека и шкалой «Негативное прошлое» коэффициент корреляционной связи составил среднее зна-

чение 0,36, при $p=0,05$. Негативное прошлое таким образом взаимосвязано еще и с уровнем депрессии. Обе корреляции, несмотря на среднюю силу, свидетельствуют в пользу гипотезы о том, что показатели выученной беспомощности связаны с негативным прошлым. Это также подтверждает данные, полученные при психометрическом анализе теста Зимбардо, которые выявили подобные корреляционные связи шкалы «негативное прошлое» с депрессией, тревогой и низкой самооценкой [12].

Далее можно увидеть, что шкала позитивного прошлого прямо связана с двумя шкалами атрибутивного стиля по Селигману: «Время успеха» (0,35 при $p=0,05$), «Широта успеха» (0,30 при $p=0,05$) и обратно коррелирует с «Широтой неудач» (-0,44, при $p=0,01$). Женщины, которые оценивают прошлое как позитивный опыт, в целом оценивают свою жизнь как успешную и склонны отрицать глобальность неудач. Прямая взаимосвязь позитивных оценок прошлого и шкал, которые атрибутируют себе успех, может говорить о том, что у этих испытуемых достаточно высокая самооценка. Показатели же заниженной самооценки, по Ковалеву, находятся в отрицательной корреляционной связи со шкалой позитивного прошлого (-0,39, при $p=0,01$). Таким образом, складывается довольно интересная картина, когда люди, совершившие преступление, избегают рассматривать свое прош-

лое в негативном ключе, наоборот оценивая его как время успеха, сопровождающееся осознанием широты успеха и отрицанием широты неудач. Интересно также то, что шкала будущего и шкала позитивного прошлого связаны прямой корреляцией (0,65, при $p=0,01$). Женщины живут воспоминаниями о позитивном прошлом и надеждами на безмятежное, деятельное будущее.

Частично подтверждает нашу гипотезу о том, что низкие показатели выученной беспомощности будут взаимосвязаны с позитивным прошлым и ориентацией в будущее.

Также обнаружены следующие корреляции между шкалами «гедонистического настоящего» и шкалой «негативного прошлого». Коэффициент корреляционной связи составил (0,43, при $p=0,01$). Гедонистическая ориентация в настоящем заключается в беззаботном отношении к жизни, склонности к риску и ориентации на физическое удовольствие и «жизнь одним днем». Кажущееся противоречие в описанных выше корреляциях можно объяснить тем, что люди, уставшие от тяжелого, давящего прошлого и настоящих условий тюремного заключения, отдаются на волю случая и проживают день за днем, отвлекаясь от мыслей о проблемах, неосознанно включая защитный механизм регрессии, представляющий собой возврат к более ранним, «инфантильным» формам реагирования, мышления, поведения, отказу от субъектности и ответственности, переносу интересов в фантазии, мистику.

Также обнаружены корреляции между показателями самооценки по Ковалеву и шкалой «Широта неудач». Коэффициент корреляционной связи составил (0,52 при $p=0,01$). Может означать, что низкий уровень самооценки осужденных связан с осознанием глобальности неудач и осознания своих худших качеств из-за проступков. Между самооценкой и депрессией сила корреляционной связи составила (0,54, при $p=0,01$). Понятно, что низкая самооценка испытуемых и депрессия взаимосвязаны.

Характерно, что шкалы «фаталистического настоящего» и «негативного прошлого» состоят в корреляционной связи, значение которой составила (0,73, при $p=0,01$). Оценивая прошлое как негативное, личность испытывает вину, фатальность наступления наказания и отказ от сопротивления судьбе, отказ от субъектности. В сочетании с корреляциями по шкалам депрессии Бека и «негативного прошлого», можно сделать вывод в пользу гипотезы о взаимосвязи выученной беспомощности и фаталистического настоящего.

Таким образом, по результатам корреляционного анализа можно сделать вывод о том, что наши гипотезы нашли свое подтверждение.

Выводы. Результаты исследования подтвердили, что у женщин, находящихся в местах лишения свободы, наблюдается специфический атрибутивный стиль. По результатам диагностики атрибутивного стиля у осужденных женщин преобладает пессимистический атрибутивный стиль. Наиболее сильно он выражен у женщин, осужденных за тяжкие насильственные преступления против личности (убийства и причинение тяжкого вреда здоровью). Более оптимистичные показатели выявлены у женщин, осужденных за преступления против здоровья населения (незаконный оборот наркотических средств). Но в целом обе группы испытуемых имеют преимущественно пессимистический атрибутивный стиль – 96 % у первой группы и 76 % у второй группы.

Наличие депрессивных состояний у женщин обеих групп, несмотря на незначительное понижение среднегруппового показателя у второй группы испытуемых, подтверждает то, что осужденные женщины, находящиеся в длительной изоляции в колонии, в той или иной степени испытывают депрессивные состояния от легких до выраженных и тяжелых форм.

Среднегрупповые показатели самооценки показывают низкую самооценку осужденных женщин в обеих группах.

Исследовав временные перспективы осужденных женщин, можно сделать вывод, что на первом месте у осужденных стоит прошлый позитивный опыт. На втором – будущее. При этом настоящее для обеих групп в большей степени носит негативную окраску.

При этом группа женщин, находящихся в колонии за незаконный оборот наркотических средств, гораздо позитивнее оценивают жизнь, у них, по сравнению с женщинами, осужденными за убийства, выше показатели по временным перспективам «гедонистическое настоящее», «позитивное прошлое», «будущее» и ниже показатели по шкалам «негативное прошлое» и «фаталистическое будущее».

Данные исследования свидетельствуют о наличии взаимосвязи между проявленностью выученной беспомощности в атрибутивном стиле, в низкой самооценке и в наличии депрессивного состояния с оценкой своего прошлого как негативного, отказа от мыслей о будущем и фаталистическим или гедонистическим настоящим. Также подтвердилось наличие взаимосвязи показателей успешного атрибутивного стиля с показателями позитивного прошлого и ориентацией в будущее.

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается проблема о взаимосвязи временных перспектив с выученной беспомощностью в условиях женской колонии. Изучены две группы женщин, находящихся в заключении. Первая группа осуждена по статьям за убийство и причинение тяжкого вреда здоровью, вторая группа – по статьям за хранение и незаконный оборот наркотиков. Гипотезы, проверяемые в статье: а) у находящихся в тюремном заключении женщин с признаками выученной беспомощности будет наблюдаться негативное отношение к прошлому, фаталистическое настоящее, неясное будущее; б) у находящихся в тюремном заключении женщин без признаков выученной беспомощности будет наблюдаться позитивное отношение к прошлому, принятие настоящего и ориентация на будущее. Выявлены различия средних показателей групп по характеристикам выученной беспомощности и временной перспективы. Во второй группе показатели депрессивности ниже, уровень само-

оценки выше, а временные перспективы более оптимистичны. Обнаружены значимые корреляции между показателями выученной беспомощности и временными перспективами, подтверждающие гипотезы исследования.

Ключевые слова: выученная беспомощность, временные перспективы, тюремное заключение, женская колония.

SUMMARY

The article deals with the problem of the relationship of time perspectives with learned helplessness in a women's colony. Two groups of women in custody have been studied. The first group was convicted under articles for murder and causing serious harm to health, the second group was convicted under articles for possession and drug trafficking. Hypotheses tested in the article: a) women in prison with signs of learned helplessness will have a negative attitude towards the past, a fatalistic present, an uncertain future; b) women in prison without signs of learned helplessness will have a positive attitude towards the past, acceptance of the present and orientation towards the future. Differences in the average indicators of the groups according to the characteristics of learned helplessness and temporal perspective were revealed. In the second group, the indicators of depression are lower, the level of self-esteem is higher, and the time prospects are more optimistic. Significant correlations were found between indicators of learned helplessness and time prospects, confirming the hypotheses of the study.

Key words: learned helplessness, time perspective, incarceration, women's penal colony.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абульханова К. А., Березина Т. Н. *Время личности и время жизни.* – СПб.: Питер, 2001. – 299 с.
2. Абульханова-Славская К. А. *Жизненные перспективы личности // Психология личности и образ жизни: сб. ст.* – М.: Наука, 1987. – С. 138–144.
3. Антипов А. Н., Первозванский В. Б. *Криминологическая характеристика осужденных женщин // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права.* – 2013. – № 1. – С. 41–49.

4. Баширова Ю. Н. Структурно-содержательные особенности личностной беспомощности: особенности выбора диагностического инструментария // Санкт-Петербургский образовательный вестник. – 2018. – № 1-2 (17-18). – С. 76–80.
5. Головаха Е. И., Кроник А. А. Психологическое время личности. – Киев: Наукова думка, 1984. – 209 с.
6. Зимбардо Ф., Бойд Дж. Парадокс времени. Новая психология времени, которая улучшит вашу жизнь: исправь Прошлое, наслаждайся Настоящим и управляй Будущим. – СПб.: Речь, 2010. – 352 с.
7. Кроник А. А., Ахмеров Р. А. Каузометрия. – М.: Смысл, 2008. – 292 с.
8. Ковалева А. В. Феномен выученной беспомощности и его взаимосвязь с наказанием // Ломоносовские чтения на Алтае: фундаментальные проблемы науки и образования избранные труды: матер. Междунар. конф. (Барнаул, 14–17 ноября 2017 г.). – Барнаул, 2017. – С. 122–128.
9. Куба Е. А. Беспомощность: обзор психологических исследований // Личность в норме и патологии: матер. Всерос. науч.-практ. конф. (Челябинск, 20–21 апреля 2017 г.). – Челябинск, 2017. – С. 4–76.
10. Левин К. Теория поля в социальных науках. – СПб.: Сенсор, 2000. – 368 с.
11. Минстер М. В. Практика реализации комплексных мер по подготовке осужденных женщин к освобождению // Всероссийский криминологический журнал. – 2011. – № 2. – С. 47–53.
12. Митина О. В., Сырцова А. Опросник по временной перспективе Ф. Зимбардо (ZTRP): результаты психометрического анализа русскоязычной версии // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. – 2008. – № 4. – С. 67–89.
13. Нюттен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего. – М.: Смысл, 2004. – 608 с.
14. Сапрунова Я. Р. Психологические особенности женщин, отбывающих наказание в виде лишения свободы [Электронный ресурс] // Бюллетень науки и практики. Электрон. журн. – 2017. – № 11 (24). – С. 533–541. – URL: <http://www.bulletennauki.com/sapronova> (дата обращения: 19.08.2023).
15. Славинская Ю. В., Бовин Б. Г. Временная перспектива отбывающих пожизненное лишение свободы // Прикладная юридическая психология. – 2011. – № 4. – С. 41–54.
16. Смирнов А. М. Виктимологическая безопасность осужденных к лишению свободы: концептуальные аспекты // Всероссийский криминологический журнал. – 2020. – Т. 14. – № 2. – С. 277–289.
17. Сырцова А., Соколова Е. Т., Митина О. В. Адаптация опросника временной перспективы личности Ф. Зимбардо // Психолог. журн. – 2008. – Т. 29. – № 3. – С. 101–109.
18. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. – М.: Ad Marginem, 1999. – 480 с.
19. Циринг Д. А. Психология личностной беспомощности: исследование уровней субъектности. – М.: Академия, 2010. – 410 с.
20. Циринг Д. А. Соотношение личностной беспомощности и смежных с ней психологических феноменов // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2009. – № 329. – С. 214–218.
21. Abramson L. Y., Seligman M. E., Teasdale J. D. Learned helplessness in humans: critique and reformulation // Journal of Abnormal Psychology. – 1978. – V. 87. – № 1. – P. 49–74.
22. Boyd J. N., Zimbardo P. G. Time perspective, health, and risk taking // Understanding Behavior in the Context of Time. – Mahwah, 2005. – P. 85–108.
23. Cottle T. J. The duration inventory: Subjective extensions of temporal zones // Acta Psychologica. – 1969. – vol. 29. – P. 333–352.
24. Harber K. D., Zimbardo P. G., Boyd J. N. Participant self selection biases as a function of individual differences in time perspective // Basic And Applied Social Psychology. – 2003. – Vol. 25 (3). – P. 255–264.
25. Maier Stiven F., Seligman Martin E. P. Learned Helplessness at Fifty: Insights from Neuroscience // Psychol Rev. – 2016. – 123 (4). – P. 349–367.
26. Seligman, Martin E. P. Helplessness: On depression, development, and death. – New York: W. H. Freeman. – 1992. – XXXV. – P. 250.